

ФРАНСИН РИВЕРС

Мост
в Кейвен



ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2016



*На Тебе утверждался я от утробы;
Ты извел меня из чрева матери моей;
Тебе хвала моя не престанет.*

Пс. 70:6

1936

Пастор Эзикиел Фриман глубоко вдохнул прохладный октябрьский воздух и начал свой утренний обход. Как только он приехал в Хейвен*, сразу проложил этот маршрут на карте. Каждое здание оживляло в памяти образы людей, и он молился за них Господу, вознося благодарение за испытания, через которые они прошли и с которыми столкнутся сегодня, и просил Господа показать ему, как еще можно помочь прихожанам.

Пастор направился в сторону средней школы Томаса Джефферсона. Он прошел ресторанчик «У Эдди», место, где любили собираться старшеклассники. Внутри горел свет. Эдди подошел к входной двери:

— Доброго утра, Зик. Не выпьете чашечку кофе?

Зик устроился за стойкой, а Эдди принялся складывать горкой булочки для гамбургеров. Они поговорили о футболе в школе и о том, кто имеет шанс получить стипендию. Зик поблагодарил Эдди за кофе и беседу и снова вышел на темную улицу.

Пастор пересек Мейн-стрит и зашагал вдоль железнодорожных путей по направлению к узловой станции. Он заметил костер, подошел к людям, сидевшим вокруг него, и попросил разрешения посидеть с ними. Некоторые из них прожили в городке достаточно долго, чтобы знать Зика. Остальные были ему незнакомы, у всех у них был усталый вид, видимо, бродили по стране, нанимались

* Хейвен (*англ.* haven) — гавань, убежище, пристанище, приют. — *Примеч. ред.*

на разовые работы по пути, чтобы заработать на пропитание. Один молодой человек сказал, что ему здесь нравится и он надеется задержаться. Тогда Зик сообщил ему, что на лесопилке в северной части города ищут грузчика. Пастор вручил молодому человеку визитку со своим именем, адресом церкви и номером телефона:

— Заходите в любое время. Я хотел бы знать, как вы устроитесь.

Сверчки в высокой траве смолкли, и затихло уханье совы, доносившееся с высокой сосны. В парк Риверфронт въехала машина и остановилась возле туалетов. Из машины вышла женщина. Полная луна давала достаточно света, чтобы она могла видеть дорогу.

Женщина застонала от боли и согнулась, прижимая руки к большому животу. Схватки следовали одна за другой, промежутки между ними уже были меньше минуты. Ей нужно какое-то укрытие, чтобы родить ребенка. Она, шатаясь, подошла к женскому туалету, но дверь его оказалась закрытой. Издав придушенный звук, женщина повернулась, оглядывая окрестности.

Зачем она заехала так далеко? Почему не остановилась в мотеле? А теперь все поздно.

Городская площадь была следующей в маршруте Зика. Он помолился за каждого торговца, за членов городского совета, у которых назначено собрание в здании муниципалитета сегодня днем, и за путешественников, остановившихся в отеле «Хейвен». Было еще темно, когда он вышел на Вторую улицу и заметил продуктовый грузовик Лиленда Голландца, он поворачивал в переулок, где располагался рынок. Все звали его Голландец, даже его жена, которая сейчас лежала в больнице, у нее была последняя стадия рака. Зик несколько раз навещал ее и знал, что больше всего ее беспокоит отсутствие веры у мужа, а не собственная приближающаяся кончина.

— Я знаю, куда уйду. Но меня больше беспокоит, где закончит свой путь Голландец.

(Ее муж работал шесть дней в неделю и не считал нужным тратить седьмой на посещение церкви. На самом деле он был зол на Господа и не желал посвящать Ему время.)

Тормоза грузовика заскрипели — он резко остановился. Голландец опустил стекло:

— Слишком прохладно сегодня, чтобы бродить по улицам, пастор. Где-то прячете подружку?

Зик пропустил насмешку мимо ушей и засунул озябшие руки в карманы:

— Это лучшее время для молитвы.

— Ага, адское пламя и аллилуйя, не буду отрывать вас от ваших дел. — Голландец нарочито хмыкнул.

Зик подошел ближе:

— Я был вчера у Шэрон.

Голландец выдохнул:

— Тогда вы знаете, что ее дела не очень хороши.

— Нет. Не хороши. — Если только не произойдет чуда, ей осталось совсем недолго. Но Шэрон было бы легче на душе, если бы не беспокойство за мужа; однако сейчас этого говорить нельзя, Голландец лишь станет агрессивнее.

— Продолжайте, пастор. Пригласите меня в церковь.

— Вы и так знаете, что приглашение всегда остается в силе.

Голландец понурился:

— Она многие годы уговаривала меня. А сейчас единственное, что я хотел бы сделать, это плюнуть в лицо Господа. Шэрон хорошая женщина, лучшая из всех, кого я знал. И если кто заслуживает чуда, так это она. Вот скажите мне, чем Бог помог ей?

— Ее тело умрет, а сама Шэрон — нет. — Пастор заметил боль в глазах мужчины и понял, что тот не готов слушать дальше. — Помочь вам разгрузиться?

— Спасибо, думаю, что сам справлюсь. — Голландец нажал на педаль газа, выругался и поехал по переулку.

Ребенок наконец выскочил из ее тела, теплый и скользкий, и молодая женщина вздохнула с облегчением: железный обруч боли, сжимавший тело, исчез. Еще тяжело дыша, она смотрела между металлических опор на усеянное звездами небо.

Младенец, лежавший на темной влажной земле, казался ей очень бледным в ярком свете луны и очень красивым. Было еще

слишком темно, чтобы разглядеть, мальчик это или девочка, хотя какая разница?

Тело женщины горело, она стянула с себя тонкий свитер и прикрыла малыша.

Задул холодный ветер. Зик поднял воротник куртки и направился к больнице Доброго самаритянина. На ум неожиданно пришел мост, но он был в противоположной стороне. В летние месяцы Зик часто проходил через парк Риверфронт, особенно когда лагерь был переполнен туристами, разбивавшими палатки на прилегающей площадке.

В это время года там не должно быть никого, с каждым днем становится все холоднее, опадает листва.

Тьма начинала отступать, но до рассвета еще оставалось время. Ему давно пора поворачивать домой, но почему-то в голове засел этот мост. Зик развернулся и направился в сторону моста и парка Риверфронт.

Пастор подышал на пальцы. Нужно было надеть перчатки сегодня. Он остановился на углу, раздумывая, то ли отправиться к мосту, то ли вернуться домой. Он всегда принимал душ и брился перед завтраком с Марианн и Джошуа. Если пойти к мосту, он обязательно опоздает домой.

Но он чувствовал острую необходимость. Кому-то нужна его помощь. До моста всего десять минут пешком, а если ускорить шаг, то и того меньше. Он все равно не успокоится, пока не посмотрит, что там.

Молодую женщину трясло, она подняла стекло в машине, прекрасно понимая, что никогда не сможет освободиться от чувства вины и сожалений, и дрожащей рукой повернула ключ зажигания. Ей хотелось скорее уехать из этого места. Хотелось закрыть голову руками и забыть все, что случилось, все, что она натворила.

Поворачивая рулевое колесо, она слишком сильно надавила на газ. Автомобиль занесло в сторону, и она ощутила скачок адреналина в крови. Женщина быстро выровняла машину, а из-под колес

брызнул гравий, словно пули. Она сбавила скорость и повернула направо в сторону главной дороги, глядя прямо вперед сквозь пелену слез. Она поедет на север и найдет дешевый мотель. А потом придумает, как убить себя.

Над песчаным берегом и под мостом пронесся порыв ветра. Лишенный тепла материнского тела, брошенный ребенок ощутил пронизывающий холод этого мира. Сначала он тихонько захныкал, потом жалобно заплакал во весь голос. Его плач разносился над рекой, но в домах на берегу не зажегся свет.

Над деревьями высились стальные фермы моста. Зик перешел старую прибрежную дорогу и пошел по мосту. Он остановился где-то посередине и перегнулся через перила. Внизу бежала река. Несколько дней тому назад прошел дождь, после него берег стал гладким и твердым. Никого не было вокруг.

Почему я здесь, Господи?

Зик выпрямился, он никак не мог успокоиться. Подождал еще немного и повернул назад. Пора идти домой.

Сквозь обычные звуки реки он уловил тихое мяуканье. Что это такое? Ухватившись за перила, он наклонился, вглядываясь в тени под мостом. Звук повторился. Пастор быстро перешел мост, затем газон и вышел на парковку. Котенок? Люди нередко бросали у воды нежеланный приплод.

Зик снова услышал тот же звук, на этот раз он понял, что это такое. Так плакал Джошуа, когда был маленьким. *Ребенок, здесь?* С сильно бьющимся сердцем он вглядывался в тени под мостом. А вот и отпечатки ног. Он спустился к воде и пошел по следам на песке, затем вошел под мост, под ногами зашуршал гравий.

Пастор снова услышал плач, на этот раз тише, зато так близко, что он стал очень внимательно смотреть себе под ноги. Он нахмурился и присел на корточки, заметив брошенный свитер, и осторожно приподнял его.

— О, Господи... — Ребенок лежал неподвижно, такой маленький, весь белый, пастор даже подумал, что нашел его слишком поздно. Девочка. Зик подsunул руки под тельце. Она почти ничего не весила. Он поднял ее, положив на сгиб руки, малышка раскинула

ручки, словно крылья птички, собравшейся взлететь, и издала дрожащий плач.

Зик вскочил на ноги и распахнул куртку, затем расстегнул рубашку и прижал ребенка к телу. Он подышал ей в личико, стараясь согреть:

— Кричи, милая; кричи как можно громче. Сейчас ты должна держаться за свою жизнь. Слышишь?

Зик знал все переулки и проходы в городе, поэтому оказался в больнице Доброго самаритянина еще до восхода солнца.

Зик вернулся в больницу в середине дня, чтобы навестить Шэрон. Голландец сидел у нее, вид у него был усталый и потрепанный. Муж держал хрупкую руку жены между ладонями и молчал. Зик поговорил с ними обоими. Когда Шэрон протянула ему руку, он взял ее и помолился за нее и за Голландца.

Но он не мог уйти, не заглянув в детское отделение. У стеклянной перегородки он застал Марианн, что его не удивило, жена обнимала за плечи их пятилетнего сына Джошуа. Пастор ощутил в душе нежность и гордость за них. У их сына были еще неловкие ручки, очень длинные тонкие ножки с костлявыми коленками и крупными ступнями.

Джошуа прижал ладони к стеклу:

— Она такая маленькая, папа. Я тоже был таким маленьким? — Крошечная девочка крепко спала в маленькой больничной кровати.

— Нет, сынок. Ты весил добрых девять фунтов. — Пастора обеспокоило выражение лица Марианн. Он взял ее за руку: — Нам пора домой, милая.

— Слава Господу, ты нашел ее, Зик. Что бы стало с ней, если бы не ты? — Марианн посмотрела на него: — Мы должны ее удочерить.

— Ты же знаешь, что мы не можем. Ей найдут родителей. — Он попробовал увести ее. Однако женщина не сдвинулась с места.

— Но кто же будет лучше, чем мы?

Джошуа поддержал мать:

— Ты же нашел ее, папа. Кто нашел, тому и забирать.

— Она не монетка, сынок, подобранная на дороге. Ей нужна семья.

— А мы и есть семья.

— Ты знаешь, что я имею в виду. — Он погладил Марианн по щеке. — Ты уже забыла, как это сложно — заботиться о новорожденном.

— Как раз этим я и хочу заняться, Зик. Действительно. Почему она не может стать нашей дочерью? — Жена сделала шаг назад. — Пожалуйста, не смотри на меня так. Я сильнее, чем ты думаешь. — На ее глаза навернулись слезы, и она отвернулась. — Только посмотри на нее. Неужели у тебя не разрывается сердце?

Зик посмотрел, и его сердце смягчилось. Но нельзя поддаваться эмоциям, нужно оставаться реалистом.

— Нам пора идти.

Марианн сжала его руку:

— Чистое и непорочное благочестие пред Богом проявляется в заботе о вдовах и сиротах*.

— Не нужно использовать Священное Писание против меня, ведь я пытаюсь защитить тебя.

Джошуа посмотрел на него:

— Защитить от чего, папа?

— Ни от чего. — Марианн предупреждающе посмотрела на Зика. — Просто твой папа вбил это себе в голову еще давно. Он смирится. Господь отдал девочку тебе в руки, Зик. Только не спорь со мной. — Марианн выразительно посмотрела ему в глаза. — У нас есть мальчик. Маленькая девочка — это же идеально. Разве я не права?

Конечно, права. Марианн всегда хотела иметь больше детей, но врач предупредил их, что ее сердце, пострадавшее от острого ревматического артрита, перенесенного в детстве, не сможет выдерживать еще одну беременность.

Зик почувствовал, как его решимость тает.

— Марианн, прошу тебя. Остановись. — Она несколько месяцев оправлялась от родов. Забота о новорожденной может оказаться тяжелым испытанием для нее.

* См.: Иак. 1:27. — *Примеч. ред.*

— Мы станем ее приемными родителями. Давай возьмем ее к себе, как только будет можно. Но если это чересчур... — На ее глазах снова выступили слезы. — Прошу тебя, Зик.

Через десять дней доктор Рубинштейн выписал маленькую Джейн Доу* и передал ее в руки Марианн:

— Вы будете прекрасными приемными родителями.

Зик начал беспокоиться уже после первых трех ночей. Марианн приходилось вставать каждые два часа, чтобы кормить ребенка. Сколько времени она сможет это выдерживать? Хотя Марианн страшно выматывалась, она буквально светилась счастьем. Сидя в кресле-качалке, она держала девочку на руках и поила теплым молоком.

— Ей нужно дать настоящее имя, Зик. Имя, исполненное надежды.

— Абра** — мать народов. — Зик выпалил ответ, не раздумывая. Марианн рассмеялась:

— Ты ведь хотел ее удочерить с самого начала, верно? И не приговаривайся, что это не так.

Как же он мог не хотеть этого? Но страх не проходил.

— Мы приемные родители, Марианн. Не забывай этого. Если тебе станет слишком тяжело, мы вызовем социального работника. И тогда нам придется вернуть Абру.

— Вернуть кому? Работник социальной службы, конечно, постарается найти кого-нибудь. Но я не думаю, что кто-то в городе заберет у нас Абру сейчас. Ты не согласен?

Питер Мэтьюс, учитель местной начальной школы и его жена Присцилла вначале проявили интерес, но поскольку у них свой маленький ребенок, они согласились, что Абра должна остаться у Фриманов, если они сумеют справиться.

Марианн отставила пустую бутылочку и прижала к себе Абру:

* Джейн Доу — условное имя, используемое в юридических документах для обозначения неизвестной или неустановленной особы женского пола. — *Примеч. ред.*

** Абра — от Абрахам, *библ.* Авраам — отец множества народов. — *Примеч. ред.*

— Нам нужно подкопить денег, чтобы пристроить еще одну спальню. Абра вырастет очень быстро. Сначала будет спать в детской кроватке, а потом ей понадобится обычная. И нужна будет отдельная комната для нее.

Спорить с ней было бесполезно. Все материнские инстинкты пробудились в ней, но каждый прошедший день истощал ее силы. Ей удавалось прилечь днем, и это помогало, однако сон урывками не позволит ей сохранить здоровье. Она уже ходила растрепанной, лицо обрело сероватый оттенок, вокруг глаз появились темные круги.

— Завтра утром поспишь, я возьму ее с собой.

— Гулять в темноте?

— Уличного освещения вполне достаточно, и я знаю город как свои пять пальцев.

— Она замерзнет.

— Я ее укутаю. — Он сложил одеяло треугольником, забрал у Марианн Абру и привязал конструкцию вокруг своей талии и за шею, затем выпрямился. — Видишь? Тепло, светло и мухи не кусают. — К тому же рядом с его сердцем, где она поселилась, когда он впервые взял девочку на руки.

Иногда Абра капризничала, когда он брал ее на утренние прогулки, тогда он пел ей гимны: «Я прихожу в сад один, в час, когда на розах еще блестит роса...» Тогда она засыпала ненадолго, но начинала шевелиться, как только Зик останавливался в ресторанчике «У Эдди» или начинал разговаривать с Голландцем.

— Вы хорошо придумали брать с собой малышку. Она такая забавная, с рыжими волосиками. — Эдди погладил Абру по щечке кончиком пальца.

Даже угрюмый Голландец улыбнулся, высунувшись из окна своего грузовика, чтобы взглянуть на девочку:

— Она похожа на маленького ангела. — Он откинулся на сиденье. — Мы с Шэрон всегда хотели иметь детей. — Он произнес эти слова как еще один упрек Богу. Шэрон умерла, и Зик знал, что мужчина скорбит. Когда крошечные пальчики Абры сжали мизинец Голландца, тот был готов расплакаться. — Кто мог оставить младенца под мостом? Как удачно, что вы оказались рядом.

— Я оказался там не случайно в то утро.

— Как это? — Невыключенный мотор грузовика негромко урчал.

— Я вдруг почувствовал, что должен идти. Иногда Господь так делает.

Лицо Голландца страдальчески исказилось.

— Ладно, не стану спорить. Совершенно очевидно, что малышке требовалась помощь, иначе она бы умерла и ее давно бы похоронили. — «Как Шэрон», — говорили его глаза.

— Если захотите поговорить, Голландец, просто заходите.

— Лучше откажитесь от меня.

— Шэрон не отказывалась, почему же я вдруг откажусь?

Абра быстро подрастала, теперь промежутки между кормлениями стали длиннее, и Марианн могла больше спать. Но Зик по-прежнему брал Абра с собой на утренний обход.

— Я буду это делать, пока она не начнет спать всю ночь. — Каждое утро, проснувшись раньше звонка будильника, Зик заглядывал в детскую. Абра уже не спала и поджидала его.

1941

Даже простые потребности ребенка могут выматывать, Зик замечал, что Марианн приходится нелегко.

Однажды он зашел домой днем и обнаружил, что Марианн спит на диване, а Абра, которой уже исполнилось четыре годика, купает свою куклу в унитазе. Тогда Зик понял, что надо что-то менять в их жизни.

— Ты переутомилась.

— Абра может сотворить что-нибудь так неожиданно, что не успеешь сказать «мама».

— Ты не можешь продолжать так жить и дальше, Марианн.

Прихожане тоже стали замечать, что Марианн выглядит усталой, и выражали свою озабоченность. После воскресной службы Присцилла Мэтьюс подошла к ним поговорить. Ее муж установил ограждение в гостиной, чтобы их четырехлетняя дочь, Пенни, не могла выходить из комнаты самостоятельно.

— Теперь вся комната — большой манеж, Марианн. Я смирилась и убрала из гостиной все, что может разбиться. Почему бы Зи-

ку не приводить Абру к нам два в неделю? И тогда ты сможешь спокойно отдохнуть несколько часов.

Марианн стала возражать, но Зик признал, что это замечательный выход для них.

Зик купил доски, гвозди, рубероид и черепицу, он решил сделать пристройку в задней части дома под спальню. Девятилетний Джошуа садился на доски, чтобы Зик мог их распилить. Один прихожанин сделал им проводку для освещения, другой соорудил кровать с выдвигаемыми ящиками и помог Зику вставить окна.

Зику вовсе не нравилась идея поселить сына в узкой комнатухе, переделанной из крыльца, но Джошуа принял свою «крепость» с восторгом. Его лучший друг, Дейв Аптон, оставался у него на ночь, но им было слишком тесно; в конце концов, Зик установил для них палатку на заднем дворе. Вернувшись в дом, он рухнул в свое кресло:

— Крепость слишком мала.

Марианн улыбнулась, Абра сидела в кресле рядом с ней, на коленях жены лежала раскрытая книжка с библейскими рассказами.

— Не слышала, чтобы Джошуа жаловался. По-моему, мальчишки счастливы, как вороны в кукурузе, Зик.

— Это пока. Если Джошуа пошел в отца и своих дядей из Айовы, он перерастет свою комнатуху уже в средней школе.

Зик включил радио и принялся просматривать почту. По радио передавали только плохие новости. Амбиции Гитлера росли с каждым днем. Неумеренно честолюбивый фюрер продолжал отправлять самолеты через Ла-Манш, чтобы бомбить Англию, а его наземные войска перешли границу России на востоке. Чарлз Лидиксон, местный банкир, говорил, что вступление в войну Америки лишь вопрос времени. Атлантический океан не защитит их, германские подводные лодки рыщут повсюду, они готовы топить любые суда.

Зик поблагодарил Господа, что Джошуа всего девять лет, но тотчас почувствовал себя виноватым, потому что у многих отцов сыновья могут скоро отправиться на войну.

Марианн закончила чтение рассказа о Давиде и Голиафе и прижала дочурку к себе. Девочка совсем засыпала, а Марианн страшно

устала и не хотела подниматься с кресла. Когда же она попыталась встать, Зик остановил ее:

— Давай я уложу. — Он забрал Абру. Девочка безвольно повисла у него на шее, положив головку на плечо, при этом она сосала палец.

Зик откинул одеяло, уложил девочку и подоткнул одеяло со всех сторон, затем склонил голову для молитвы. Абра сложила ладошки, а он обнял ее.

— Отче наш, сущий на небесах... — Когда они закончили молитву, Зик наклонился и поцеловал дочку: — Спокойной ночи.

Девочка обхватила его руками за шею, прежде чем он смог подняться:

— Я люблю тебя, папа.

Он сказал, что тоже ее любит. Поцеловал в обе щежки и в лоб и только потом вышел из спальни.

Марианн совсем сникла. Зик нахмурился. Она покачала головой, вяло улыбаясь:

— Я в порядке, Зик. Просто устала. Думаю, крепкий сон — это все, что мне нужно.

Зик понял, что это неправда, когда увидел, как она поднимается, слегка покачиваясь. Он подхватил ее на руки и отнес на кровать, а там присел, устроив ее у себя на коленях:

— Я иду за врачом.

— Я знаю, что он скажет. — Марианн расплакалась.

— Нам пора менять наши планы. — Он не решился сказать ей правду прямо, но она и так поняла, что он имеет в виду.

— Я не отдам Абру.

— Марианн...

— Я нужна ей.

— Ты нужна *мне*.

— Ты сам любишь ее не меньше меня, Зик. Как ты можешь вообще говорить о том, чтобы отдать ее?

— Нам не следовало забирать ее с самого начала.

Зик покачал жену, потом помог снять домашнее платье и уложил в постель. Он поцеловал ее и выключил свет, прежде чем закрыть за собой дверь.

Выходя, пастор чуть не споткнулся об Абру, которая сидела, скрестив ноги прямо в коридоре, она прижимала к груди своего плю-

шевого медведя, а палец по-прежнему был во рту. У него тотчас возникло неприятное подозрение. Много ли она услышала из сказанного?

Он взял ее на руки:

— Ты должна сейчас быть в постели, малышка. — Уложив ее снова, Зик легонько щелкнул ее по носу. — На этот раз не вылезай. — Он поцеловал ее. — Спи.

Пастор опустил в свое кресло в гостиной и обхватил голову руками. *Я что-то неверно понял, Господи? Неужели я поддался на уговоры Марианн, а это не соответствовало Твоему замыслу в отношении Абры? Ты ведь знаешь, как сильно я люблю их обеих. Что же мне теперь делать, Господи? Господи, что мне делать?*

Абра дрожала от холода на передней скамье в церкви, пока мама репетировала гимны на пианино; несмотря на то что папа затопил печку, тепло будет только к завтрашней утренней службе. Мици сказала, что пока нет хорошего отопления, в церкви пахнет сыростью и плесенью, словно на кладбище. Абра ответила, что не знает, чем пахнет на кладбище, а Мици добавила: «Не смотри на меня так, юная мисс. Я снова появлюсь здесь только разве в сосновом ящике».

Дождь барабанил по крыше и по окнам. Папа просматривал свои записи для проповеди в небольшом кабинете за пределами притвора. Джошуа надел свою скаутскую форму и отправился продавать рождественские елки на городской площади. До Рождества оставалось меньше трех недель. Абра слушала, что играет мама, и вспоминала, как она помогала ей выпекать пряники для больницы и расставлять на каминной полке фигурки, представляющие сцену рождения Иисуса Христа. Папа и Джошуа к тому времени развесили фонарики вокруг дома. Абре нравилось выходить за калитку после ужина и любоваться освещенным домом.

Мама захлопнула сборник церковных гимнов и отложила его в сторону, затем встала:

— Что ж, милая. Садись на мое место. Твоя очередь репетировать.

Абра вскочила со скамьи и взлетела по ступенькам к пианино. Мама чуть приподняла ее и сразу опустила, ей пришлось тяжело

опереться рукой о пианино, а вторую руку она прижала к груди. Она с трудом вздохнула, потом ободряюще улыбнулась и поставила вместо гимнов ноты для начинающих.

— Сначала сыгрой гаммы, а потом «Тихую ночь». Сможешь?

Обычно мама стояла с ней рядом. Кроме тех случаев, когда неважно себя чувствовала.

Абра обожала играть на пианино. Это было ее любимое занятие. Она играла гаммы, аккорды, хотя ей было непросто доставать до всех нужных клавиш одновременно. Она репетировала «Тихую ночь», «О, городок Вифлеем» и «Там в яслях». И каждый раз, когда она заканчивала исполнять песню, мама говорила, что она отлично играет, тогда девочка ощущала прилив тепла внутри.

В храм вошел папа:

— По-моему, пора идти домой. — Он обнял маму за плечи и поднял на ноги. Разочарованная, Абра закрыла крышку пианино и пошла за ними к машине. Мама извинилась за то, что так сильно устала, а папа ответил, что после того как она отдохнет несколько часов, все будет в порядке.

Мама стала возражать, когда папа поднял ее на руки, чтобы занести в дом. Он посидел с ней несколько минут в спальне. Затем вышел в гостиную:

— Не шуми, Абра, пусть Марианн немного поспит. — Как только папа вышел и снова сел в машину, Абра прошла в их с мамой спальню и забралась в кровать.

— Моя девочка пришла, — сказала мама, прижимая ее к себе.

— Ты снова заболела?

— Ш-ш-ш. Я не болею. Просто очень устала. — Она уснула, а Абра лежала с ней, пока не услышала, что подъехала машина отца. Тогда она соскользнула с кровати и выбежала в гостиную, чтобы посмотреть в окно. Папа отвязывал рождественскую елку, которая лежала на крыше его старенького серого автомобиля.

Абра завизжала от восторга, распахнула входную дверь и сбежала по ступенькам. Она принялась скакать и хлопать в ладоши:

— Такая большая!

Через черный вход вошел Джошуа, его щеки пылали от мороза, а глаза сияли. Распродажа елок прошла отлично. Если их отряд сумеет собрать достаточно денег в этом году, они все поедут в лагерь

возле Йосемити*. Если же денег будет недостаточно, Джошуа уже договорился с соседями, что они наймут его подстригать газоны.

— Они согласились платить мне пятьдесят центов в неделю. Если умножить на двоих, получается четыре доллара в месяц! — Для него это были большие деньги. — Тогда я сам смогу заработать на лагерь.

После ужина мама взялась мыть посуду, чтобы папа мог заняться елкой. Он распутал гирлянду огоньков, повесил ее на елку и включил, еще не открыв коробку с игрушками. Потом достал елочные украшения и стал передавать их по одному Джошуа и Абре, а те их развешивали.

— Ты, сынок, украшаешь верхние ветки, а Абра — нижнюю половину, — сказал Зик.

Что-то разбилось за стеной, от неожиданности Абра уронила стеклянный шар, а папа вскочил на ноги и бросился на кухню:

— Марианн? Что случилось? Ты в порядке?

Дрожащая Абра наклонилась, чтобы собрать осколки разбитого украшения, но Джошуа остановил ее:

— Осторожно. Дай я уберу. Ты можешь порезаться. — Девочка расплакалась, а брат прижал ее к себе: — Все хорошо. Не плачь.

Абра прижималась к Джошуа, ее сердце тяжело колотилось, она слушала, как спорят папа и мама. Они старались разговаривать тихо, но Абра все равно их слышала. Вот кто-то подметает, затем что-то падает в мусорное ведро под раковиной. Распахнулась дверь, и вошла мама, ее улыбка сразу погасла.

— Что случилось?

— Она разбила украшение.

Папа взял Абру на руки:

— Ты порезалась? — Девочка отрицательно покачала головой. Папа погладил ее по спине. — Тогда и плакать не о чем. — Он прижал ее к себе, затем опустил на пол: — Вы двое продолжаете украшать елку, а я займусь камином.

Мама включила радио и нашла музыкальную программу. Затем она устроилась в своем кресле и достала корзину для вязания. Абра забралась на стул с ней рядом. Мама поцеловала ее в макушку:

— Ты больше не хочешь украшать елку?

* Йосемити — национальный парк в штате Калифорния. — *Примеч. пер.*

— Я хочу посидеть с тобой.

Папа, который раскладывал в камине растопку, посмотрел на них через плечо. И взгляд его был печален.

Воскресенье выдалось холодным, однако дожди прекратились. Супружеские пары с детьми собрались в зале для встреч, они привели своих детей на занятия в воскресной школе, чтобы самим отправиться во «взрослую церковь». Абра заметила Пенни Мэтьюс и побежала к ней впереди мамы. Девочки взялись за руки и отправились на занятия.

После воскресной школы миссис Мэтьюс пришла и забрала Пенни. Мама помогла Мици помыть и вытереть тарелки из-под печеня. Папа разговаривал с задержавшимися гостями. Когда ушел последний прихожанин, семья прошла в храм. Мама аккуратно сложила сборники церковных гимнов, собрала разбросанные бумаги. Папа убрал блестящие бронзовые подсвечники и блюда для сбора пожертвований. Абра села за пианино, она болтала ногами и играла аккорды.

Вдруг распахнулась входная дверь, и внутрь вбежал человек. Мама выпрямилась и прижала руку к груди:

— Клайд Эйзенхауэр, в чем дело? Вы перепугали меня до полусмерти.

Мужчина запыхался и явно был расстроен:

— Японцы бомбили нашу военно-морскую базу на Гавайях!

Как только они вернулись домой, папа включил радио. Он снял пиджак и повесил его на спинку кухонного стула, вместо того чтобы отнести его в шкаф, как обычно. *«Японцы атаковали Пёрл-Харбор, как объявил президент Рузвельт. Атаковали также все военно-морские и военные объекты на острове Оаху...»* Голос диктора был встревоженным.

Мама опустила на стул. Папа закрыл глаза и склонил голову:

— Я знал, что это произойдет.

Мама усадила Абру на колени и молчала, слушая голос, который все рассказывал и рассказывал о бомбардировках, о затонувших кораблях и заживо сгоревших людях. Мама заплакала, вслед за ней и Абра. Мама прижала девочку к себе и стала тихонько качать ее:

— Все хорошо, детка. Все хорошо.
Но Абра знала, что это не так.

Мици открыла дверь с благодушной улыбкой:

— Неужели пришла моя любимая девочка! — Она закинула конец шали за спину и раскинула руки, затем, смеясь, обняла Абру и повернулась к Марианн: — Сколько времени она пробудет у меня на этот раз?

— Сколько вы пожелаете, — ответила мама, проходя вслед за хозяйкой в гостиную.

Абра любила бывать у Мици. В ее гостиной было множество безделушек, и она разрешала Абре их брать и рассматривать. Иногда Мици готовила кофе и даже наливала чашечку для Абры, разрешала добавить сливок и столько сахара, сколько она хотела.

Мици явно была озабочена:

— Ты выглядишь страшно усталой, Марианн.

— Я сейчас отправлюсь домой и как следует выплещусь.

— Обязательно поспи, дорогая. — Мици поцеловала ее в щеку. — Не загоняй себя так сильно.

Мама наклонилась и обняла Абру. Она поцеловала ее в обе щеки и погладила по головке:

— Веди себя хорошо, детка.

— Иди осмотришься, — велела Мици Абре. Мици проводила маму к входной двери, они поговорили еще несколько минут, тем временем Абра пока расхаживала по гостиной, разыскивая свою любимую фигурку — блестящего фарфорового лебедя с уродливым утенком рядом. Она обнаружила ее на угловом столике под боа из перьев.

Мици вернулась в гостиную:

— Ты быстро ее нашла. — Она поставила фигурку на каминную полку. — В следующий раз спрячу получше. — Женщина потерла ладони одну о другую и переплела пальцы, щелкая суставами. — Не хочешь побренчать на пианино? — Она плюхнулась на табурет перед инструментом и сыграла жизнерадостную мелодию. — Когда научишься играть Баха и Бетховена, Шопена и Моцарта, я покажу тебе, как играют веселые мелодии. — Ее руки летали над клавишами. Затем она отодвинула табурет и продолжила играть стоя, выставя

вперед то одну ногу, то другую, причем довольно неуклюже. Абра смеялась и делала, как она.

Мици выпрямилась.

— Это мы немного пошутили, — она снова забросила конец шали через плечо и вскинула подбородок, — а теперь мы должны быть серьезными. — Она отступила от инструмента и махнула рукой Абре, приглашая занять свое место. Улыбаясь, Абра села, а Мици поставила перед ней ноты. — Сегодня у нас Бетховен, немного упрощенный.

Абра играла, пока часы на камине не пробили четыре часа. Мици сверилась с наручными часами и предложила:

— Хочешь поиграть в переодевание? Мне нужно нанести визит.

Абра соскользнула со стула:

— Можно мне посмотреть ваши украшения?

— Конечно, можно, детка. — Мици махнула в сторону спальни. — Посмотри в шкафу; и в ящиках тоже. Можешь примерять, что захочешь.

Абра обнаружила настоящее сокровище — сверкающие безделушки и бусы. Она надела пару сережек со стразами и бусы из красного стекла. Потом добавила еще нитку жемчуга и черные бусы. Ей очень нравилось ощущать их тяжесть на шее, затем она воспользовалась карандашом Мици для бровей и выбрала самую темную помаду из груды маленьких тюбиков. Открыв рот, она принялась красить губы, подражая одной женщине, которую она видела в туалете в церкви. Абра порылась в косметике и напудрила щеки, кашляя от мелкой ароматной пыли, поднявшейся клубом вокруг нее.

— У тебя все хорошо? — крикнула Мици из другой комнаты.

Обмахиваясь руками, Абра ответила, что все отлично, а сама направилась к встроенному шкафу. Она надела шляпу с широкими полями и большим красным бантом и добавила к ней черную шаль с вышитыми цветами и длинной бахромой. У Мици было море обуви. Абра расшнуровала свои полуботинки и сунула ноги в красные туфли на высоком каблуке.

— О, Боже! — Мици подскочила к девочке и схватила ее за руку. — Пастор Зик уже идет за тобой. Я должна отмыть тебя до его прихода. — Она со смехом стянула с Абры шляпу и ловким движением зашвырнула ее в шкаф, затем развязала шаль: — Мне подарил

ее один поклонник, когда я пела в кабаре в Париже лет сто пятьдесят тому назад.

— А что такое кабаре?

— Не бери в голову. — Мици швырнула шаль на розовое ворсистое покрывало. — А эти старые бусы! Ничего себе. Сколько же ты надела? Удивительно, что ты еще можешь держаться на ногах. Теперь пойдем. В ванную. — Она намазала лицо девочки холодным кремом, затем стерла его. И рассмеялась: — Ты похожа на маленького клоуна с черными бровями и красными губами. — Она снова засмеялась и принялась тереть щеки Абры, пока не защи-пало кожу.

Раздался звонок в дверь.

— Что ж, мы сделали, что смогли. — Мици отбросила мочалку, поправила платье Абры, пригладила волосы и похлопала по щеке. — Отлично выглядишь, крошка. — Она взяла девочку за руку и повела в гостиную. — Жди здесь. — А сама прошла к двери и спокойно открыла ее: — Заходите, пастор Зик.

Папа бросил на Абру один только взгляд, высоко поднял брови, возвел глаза к потолку и скривил губы, искоса глядя на Мици.

Мици сцепила руки за спиной и улыбнулась с самым невинным видом.

— Это моя вина, Зик. — Она усмехнулась. — Я разрешила ей брать все что захочет в моей комнате, пока я ходила к Марианн. Я совсем забыла, что для нее здесь полно искушений. Марианн так устала, я обещала ей позвонить вам. Никак не думала, что вы придете до пяти.

Папа протянул девочке руку:

— Нам пора, Абра.

Мама спала на диване. Она проснулась, но папа велел ей не вставать, сказав, что сам приготовит ужин. Он разрешил Абре поиграть, но без шума. С заднего входа зашел Джошуа и о чем-то переговорил с папой. Зазвонил телефон. Но папа не подошел, что случилось впервые за всю жизнь Абры.

Когда они все сели ужинать, мама выглядела лучше. Папа прочел благословение. Они поговорили о прошедшем дне. Джошуа убрал со стола и вымыл посуду. Абра попыталась помочь ему, но он прогнал девочку:

— Без тебя я вымою быстрее.

Мама рано отправилась спать. Папа ушел к ней, как только уложился спать Абру. Девочка не спала, она прислушивалась к тихим голосам. В конце концов она уснула.

Абра проснулась в темноте и услышала, как хлопнула входная дверь. Папа ушел на утреннюю молитву. Она помнила, как он брал ее на свой обход, и пожалела, что больше этого не происходит.

Когда папа уходил, в доме становилось холодно и темно, даже если мама находилась в соседней комнате, а Джошуа в своей крепости. Абра откинула одеяло и на цыпочках прошла в спальню мамы и папы. Мама зашевелилась и подняла голову:

— В чем дело, детка?

— Мне страшно.

Мама приподняла одеяло, Абра вскарабкалась на кровать и заползла под одеяло. Мама обняла ее, поправила одеяло и прижала девочку к себе. Абра наслаждалась теплом и начала засыпать. Она проснулась, когда мама издала странный звук, похожий на тихий стон, и прошептала: «Только не сейчас, Господи. Пожалуйста. Не сейчас». Мама снова застонала, ее тело напряглось. Она перекатилась на спину.

Абра повернулась к ней:

— Мама?

— Спи, маленькая. Засыпай снова. — Голос мамы срывался, словно она говорила со стиснутыми зубами. Потом она всхлипнула, глубоко вздохнула и расслабилась.

— Мама? — Не получив ответа, Абра крепче прижалась к ней и свернулась клубочком.

Абра резко проснулась — холодные сильные руки подняли ее из постели.

— Отправляйся в свою кровать, Абра, — прошептал папа. Девочка задрожала от холодного воздуха. Обхватив себя руками, она направилась к двери, все время оглядываясь.

Папа обошел кровать.

— Решила еще поспать? — Он сказал это тихим ласковым голосом и наклонился, чтобы поцеловать маму. — Марианн? — Он

выпрямился и включил свет. Еще раз позвал ее хриплым голосом, сдернул одеяло и взял на руки.

Мама повисла на его руках словно тряпичная кукла, ее рот и глаза были открыты.

Папа присел на кровать и принялся качать ее, рыдая:

— О, Господи, нет... нет... нет!